

ПОСВЯЩАЕТСЯ
ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТИЮ
НЕЗАВИСИМОСТИ ИНДИИ
(1947—1972)

DEDICATED
TO THE 25TH ANNIVERSARY
OF INDIA'S INDEPENDENCE
(1947—1972)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГЕ

ВЫП. XIV

ИНДИЯ — СТРАНА И НАРОД
К н и г а 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1972

С. А. Маретина

**ОБРАЗОВАНИЕ СОСЛОВИЙ И КЛАССОВ
У ГОРНЫХ НАРОДОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ИНДИИ
(к проблеме классовообразования)**

В связи с проблемой классовообразования заслуживают особого внимания племена и малые народности, которые в силу каких-то исторических причин задержались на ранних этапах общественного развития. Они дают редкую возможность на современном материале проследить конкретные пути превращения бесклассового общества в сословно-классовое.

Речь пойдет о народностях и племенах, населяющих горные районы штата Ассам, штаты Нагаленд (образован в 1963 г.) и Мегхалая (создан в 1968 г.), а также этнически примыкающие к ним Манипур и Горную Трипуру, бывшие княжества, ныне союзные территории центрального подчинения. Это племена и народности гаро, кхаси (Мегхалая), микиры (горы центрального Ассама), куки-чин (южная часть Ассама, районы Манипура и Трипуры), нага (Нагаленд и отчасти Манипур). Общая численность всех горных народов превышает два миллиона человек [подробнее см. 1; 4, 483—506].

Для всех этих малых народностей и племен на северо-востоке Индии характерен процесс становления классового общества, процесс длительный и не единовременный у разных групп. Так, у одних (некоторые народы группы бодо) он начался давно — в начале II тысячелетия нашей эры и был связан с раннегосударственными объединениями этих племен; у других народов (группа чин) европейские колонизаторы застали складывающееся сословное расслоение общества, которое происходило в рамках отдельных общин, но было единым для всего племени; наконец, у некоторых групп (гаро, нага) возникновение имущественного неравенства и выделение классов в общине началось лишь с проникновением товарно-денежных отношений и влияния более развитых равнинных народов (бенгальцев, ассамцев), т. е. лишь с начала XX в.

Особенностью этих процессов у рассматриваемых народов является то обстоятельство, что здесь они происходят в недрах общины. Община до сих пор остается основной ячейкой социально-экономического строя, вне которой не существовало (по крайней мере на ранних этапах классовообразования) никаких социальных групп. Строго говоря, весь прогресс общества на этих этапах выражался в эволюции общинных форм и институтов. Отсюда вытекает необходимость рассмотрения процессов классовообразования в тесной связи с разложением общины.

Все многообразие путей образования сословных и классовых категорий у народностей горного Ассама может быть сведено к двум основным направлениям: путь автохтонного развития сословий и классов; формирование социальных групп и классов под воздействием извне. Первый путь — более ранний, хотя, конечно, нельзя полностью игнорировать возможность тех или иных влияний и на раннем этапе.

Итак, у тех народностей, которые раньше других вступили на путь классообразования, социальная эволюция в меньшей степени, чем у других, зависела от внешних влияний. К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении материалы крайне скудны и позволяют восстановить лишь отдельные моменты формирования сословий в Ассаме в X—XVI вв. В основном же этот процесс может быть рассмотрен в современных условиях на живом этнографическом материале.

Сами горные народы письменности не имели; ничего не дают для рассматриваемого вопроса и памятники древней индийской литературы — удаленность и труднодоступность Ассамских гор препятствовали знакомству народов Северной Индии с их далекими восточными соотечественниками. Самые ранние сохранившиеся материалы об ассамцах — это исторические хроники на языке пали¹, принадлежащие народу ахом, таиязычным выходцам из Бирмы, которые в XII в. проникли на территорию современного Ассама и в течение последующих веков постепенно распространили свое господство на всю долину Брахмапутры и ее притоков. Беря за основу этот материал, исследователи восстанавливают основные этапы политической истории ассамских народов, попутно приводя сведения и об их социальном строе. Касаются эти материалы народов, принадлежащих к группе бодо, — одной из групп тибето-бирманских переселенцев, представители которой и сейчас разбросаны по различным районам Ассама (гаро, качари, бара-бодо и др.). Бодо были единственными из ассамских народов, относящихся к числу национальных меньшинств, которые имели свои раннеклассовые образования и оставили след в политической истории Ассама.

Согласно имеющимся сведениям [20; 16], к XIII в. значительная часть Ассама (в первую очередь равнинного) находилась под властью различных народов группы бодо — качари, кочхов и др. Наиболее ранним считается государство *качари*, которые еще до XIII в. объединили под своей властью большую часть нынешнего Западного Ассама [20, 9]. Период XIII—XIV вв. (так называемый димапурский период — по названию столицы качари г. Димапур) является временем становления ранней государственности у качари. Этот период можно рассматривать как время преимущественно самостоятельного развития политических и социальных институтов качари. В XVI в., после разгрома Димапура ахомами и перенесения столицы в Майбонг, качари стали испытывать заметное влияние индуизма, который на протяжении веков постепенно проникал к ним из Северной Индии². Это влияние сказалось на всей структуре их государства, так же как и на государствах кочхов и чхутия, кульминация развития которых совпадает с обращением в индуизм раджей этих государств и перестройкой государственного аппарата по индийскому образцу.

Длительность существования объединения качари (качари были окончательно разгромлены ахомами в конце XVII в.), обширность

¹ Издания этих материалов нам недоступны, а ссылки на них у европейских исследователей, как правило, неточны.

² Периодические переселения с запада в ассамскую равнину происходили с незапамятных времен, и влияние индуизма было ощутимо, насколько можно судить по именам раджей, еще у династий, предшествующих бодо.

территории, позволяющая говорить о многочисленности населения, и главное — высокий уровень цивилизации заставляют считать это образование не просто племенным союзом, а государством, хотя и раннеклассовым. Так, от димапурского периода сохранились замечательные памятники материальной культуры — развалины огромных каменных храмов и крепостей, выложенных камнем прудов и оросительных систем, не уступающих по масштабам аналогичным сооружениям величайших культур древности [20, 76—82]. Подобные сооружения не могли быть воздвигнуты силами племенного союза. Они свидетельствуют о планомерном использовании больших масс рабочей силы, для организации которых требуется государственный аппарат.

Этот вывод подтверждается и характеристикой социального строя качари, переживавших тогда период разложения родовой общины и складывания на ее базе общества сословного типа³. Судя по имеющимся данным, для общества качари было типично постепенное превращение отдельных родов в социально привилегированные группы. Начало этого процесса относится, по-видимому, еще к додимапурскому периоду, т. е. к X—XII вв. В то время зафиксировано существование семи родов [12, 132]: бодоса — царский род, правивший когда-то, тхаосенгса — правящий царский род, хасьюнгса — род царских родичей и другие высокопоставленные роды. Факт выделения этих родов свидетельствует о разложении общества родового на так называемые «благородные» и «неблагородные» роды. Возвышение «благородных» родов скорее всего, как это обычно бывает в сходных исторических условиях, было связано с войной: непрерывные войны, которые проходят через всю историю качари, неизбежно придавали особый вес военачальникам. Недаром вождь всегда (это относится и к современным горным общинам) пользовался наибольшей властью именно во время войн. Ближайшие родичи вождя — его ближайшие помощники и соратники на войне. А основная масса общинников-производителей служила военной силой: есть сведения о существовавших правилах вербовки солдат, согласно которым каждая деревня должна была поставлять установленное количество воинов из числа общинников-земледельцев [22, 26]. Возвышавшиеся в результате успешных войн «благородные» роды в процессе становления ранней государственности стали привилегированными сословиями. Вероятно, это превращение происходило как посредством завоевания других родов (своего и чужого племени), так и в результате мирного подчинения более слабых родов своего племени. Выделившиеся роды составили правящую верхушку объединения качари, что ускорило превращение этих родов в привилегированные сословия.

К XVI в. (концу димапурского периода) у качари окончательно сложилась автократическая организация раннеклассового типа во главе с наследственным вождем и аристократией [22, 4]. Если в ранний период выделилось небольшое число «благородных» родов, то теперь уже появилась целая иерархия, несколько десятков сословно-профессиональных групп кастового типа. Подобная система могла сложиться лишь на основе уже далеко зашедшего общественного разделения труда, с сопутствующим ему выделением ряда профессий. Таким образом, дальнейшее расслоение общества качари шло по линии дробления социальных групп. Появились новые «благородные» роды (например, «род матери раджи»), но основной процесс шел в сторону воз-

³ Под сословиями автор понимает те социально неравноценные группы, которые предшествуют возникновению классов.

никновения групп, объединяющих людей одной профессии, в том числе и «нечистых» («род наследственных царских рыбаков», «род царских прачек», «род слуг, рабов и прочих отверженных» и т. д.) [12]. Это вызывает определенные ассоциации с кастами: развитие социальных форм путем отпочкования все новых групп свойственно процессу кастообразования, профессиональный признак и социальная неравноценность являются характерными чертами системы каст [5, 235]. Видимо, это складывание групп кастового типа на базе разложившихся родов было результатом в основном внутреннего развития социального строя качари, ибо воздействие индуизма в то время не было столь значительным, чтобы образование новой структуры качари можно было отнести за его счет [16, гл. «Качари»]. Между описанными группами сохранились брачные взаимоотношения, восходящие к родовому периоду. Пережитком этих родов у современных качари являются своеобразные мужские и женские брачные группы, связанные сложными брачными правилами [22, 36].

Государство качари знало институт рабства. Число рабов постоянно пополнялось в результате войн (с кочхами, ахомами и др.) — за счет военнопленных. Есть сведения и о том, что рабов выменивали у других народов [22, 47]. По-видимому, рабский труд применялся на строительстве упоминавшихся выше дворцов, крепостей, акведуков, однако основной прибавочный продукт давали общинники-земледельцы. Именно общины составляли и составляют поныне основу экономики у этих народов. На протяжении всей истории развития общественной жизни как бодо, так и других народов Ассама рабовладение оставалось подчиненным укладом.

Дальнейшее развитие сословных группировок качари, как и развитие их социальной структуры в целом, было остановлено разгромом государства качари ахомами. Социально и политически уже выделившаяся и ставшая над общиной верхушка была сравнительно быстро и легко ассимилирована завоевателями-ахомами. Что же касается основной массы населения качари, жившего в сельских общинах, то процесс социального расслоения их почти не затронул. Они были оттеснены в труднодоступные районы Ассама, где на протяжении долгих веков сохраняли свою общинную организацию, хотя первобытные родовые институты были подорваны и в общинах в период роста и разрушения государства качари.

Исторические судьбы других горных народов Северо-Восточной Индии были иными. Находясь далеко в горах, в условиях географической изоляции, они в периоды существования раннеклассовых образований качари и кочхов играли пассивную роль в политической жизни Ассама (на их территории распространялась часто формально власть того или иного завоевателя). Эта географическая и политическая изоляция сохранялась очень долго, а при английском колониальном владении была даже юридически закреплена постановлением о так называемых зарегистрированных племенах. Таким образом, фактически до начала XX в. горные народы в большинстве своем развивались самостоятельно, без интенсивных контактов с ассамцами и бенгальцами, у которых уже давно существовало развитое классовое общество. Конечно, необходимость обмена побуждала соседние племена к некоторому общению, но и это общение было ограничено трудностями, связанными с географической средой.

Во всяком случае, до последней трети прошлого века можно с уверенностью говорить об отсутствии внешних влияний, достаточных для того, чтобы наложить отпечаток на развитие общины у горных

народов, т. е. можно говорить об автохтонном развитии народов, у которых в этот период началось становление классового общества. Шедший замедленными темпами процесс развития социальных институтов, единый для всех народов на определенном отрезке времени, имел для каждого племени свою специфику из-за различия общественных форм у каждого конкретного народа. Известный путь в этом направлении к моменту знакомства с ними европейских колонизаторов уже проделали многие народности группы чин (лушеи, лакхеры, тхадо и др.), кхаси, некоторые племена нага.

Новый стимул для процесса классовообразования появился после нарушения географической и политической изоляции Ассамских гор и установления постоянных связей с населением равнин. Все более энергично проникавшие в горные районы товарно-денежные отношения были своего рода катализатором процесса классового расслоения, причем их влияние давало себя знать во всех общинах — и у тех племен, где уже имелись свои сословия, и у тех, где под воздействием этих отношений лишь начались процессы классовообразования. К этим последним относятся гаро, большинство нага, некоторые куки из группы куки-чин. При этом, если преимущественно автохтонное развитие было очень специфичным для каждого племени, то влияние товарно-денежных отношений действовало нивелирующе, стимулируя прежде всего сходные явления у всех народов и направляя по единому пути все общины — как те, где уже были свои сословия, так и те, где последние так и не успели оформиться. Становление сословий и классов сопровождалось расслоением общины — будь то родовая (как у качари в XIII—XVI вв.) или соседская (в современных условиях). Как конкретно это происходило?

Производственная основа, на которой возникает та или иная социально-экономическая структура, в немалой степени определяет особенности и характер этой последней. Экономической спецификой общины у горных народов Северо-Восточной Индии было то, что эта община возникла здесь и в значительной степени продолжает существовать на основе суходольного подсечно-огневого земледелия, что обусловлено экологическими особенностями региона. Подсечно-огневое земледелие (джхум) по самой своей природе, связанной с периодической сменой обрабатываемых участков, с постоянными (в прошлом) переселениями, никак не способствует развитию частной собственности на землю. Характерно, что, как правило, у большинства народов мира этот способ мотыжного земледелия соответствовал первобытнообщинному строю, а классовые отношения складывались при переходе к земледелию высшего порядка, пашенному, постоянному, для некоторых районов — с применением искусственного орошения, налаженных севооборотов и т. д.

Несколько особое положение в горах — там джхум имеет больше возможности сохраниться, так как он приспособлен к особенностям рельефа и природной среды. Конечно, и здесь дает себя знать краткость пребывания общинных земель под обработкой, свойственная этому типу земледелия: даже при наличии предпосылок для перехода земли в частное владение джхум может некоторое время способствовать сохранению общинного контроля за землей, причем время от времени происходят необходимые переделы земли (регулярные переделы здесь неизвестны). На основе этого способа земледелия сложился и ведущий тип землевладения, сохранявшийся на протяжении многих веков, — сочетание коллективного (родового или общинного) землевладения и индивидуального семейного землепользования («дуализм между общин-

ной собственностью на территорию пахотной земли и парцеллярной ее обработкой каждым домохозяйством» [6, 77]). Сейчас постепенно индивидуальное землепользование превращается в индивидуальное владение, а общинное право остается лишь как право контроля, причем и это его назначение часто выглядит просто как дань традиции. Сохранением этого права община в значительной степени обязана джхуму⁴. В последние десятилетия в Северо-Восточной Индии распространяются и новые способы постоянного поливного земледелия: террасное и долинное (в горах), плужное — на арендованных у равнинных народов землях (это последнее пока в единичных случаях, только у некоторых кулки Манипура).

Такова в самых общих чертах экономическая основа общин, служащих ареной сословного и классового расслоения. При этом, конечно, конкретные его формы у отдельных народов имеют свои особенности. В настоящее время в земледельческой общине с разной степенью интенсивности происходит процесс обособления индивидуальных производителей и становления частного землевладения. Этот переходный период имеет принципиальное значение для развития общества, ибо на его протяжении постепенно осуществляется замена общинного принципа частнособственническим. Это начало превращения общины из производственного коллектива в объединение «мелких индивидуальных производителей мелких хозяйств» [8, 52].

Сословная стратификация у тех народов, общество которых мы рассматриваем как результат в основном спонтанного развития, связана с рядом особенностей, например в соотношении социального и имущественного расслоения в общине. У изучаемых нами горных народов формирование сословий или иных социальных групп, в частности кастового типа, еще не означает обязательного наличия имущественного расслоения. В этом смысле рассматриваемые народы не представляют собой исключения среди других народов Востока. Безусловно, при формировании и выделении высшего сословия имущественные причины играют немалую роль. Однако экономическое преимущество остается лишь одним из факторов — наряду с такими важными моментами, как принадлежность рода, на базе которого формируется это сословие, к старшей ветви племени или к числу первоначальников, личные качества вождя, вокруг которого группируется аристократическая прослойка, и т. п., — способствующих выделению сословия. Это экономическое преимущество само по себе еще не определяет уровня происшедшей в общине дифференциации. Социальный фактор в таких общинах (и на данном уровне развития вообще) является, на наш взгляд, ведущим, и социальное положение человека в сословном обществе такого типа определяется не его имущественным положением, а принадлежностью к тому или иному социальному слою — будь то сложившееся сословие или только наметившееся деление на «благородные» и «неблагородные» роды. О живучести этих традиционных социальных градаций, а также о сохранении социального равенства в среде рядовых общинников свидетельствует тот факт, что даже в современных условиях влияние окружающих высокоразвитых народов, которое формирует разделение уже по имущественному признаку, с трудом пробивает брешь в общинных традициях, нарушая социальный статус отдельных групп.

Итак, формирование сословий у части горных народов — процесс, начавшийся не позже начала прошлого века (т. е. до знакомства евро-

⁴ Подробнее о вопросах землевладения у горных народов Северо-Восточной Индии см.: [1, 51—60].

пейских исследователей с этими народами) и отчасти продолжающийся и сейчас, хотя новые процессы, начавшиеся в последние десятилетия под воздействием внешнего мира, сказываются на развитии сословий, в одних случаях форсируя их превращение в классы, в других — тормозя их эволюцию. Природа этих сословий у большинства народов достаточно ясна. Как показывают этнографические материалы, в основе большинства сословных групп лежат роды, вернее, остатки родовой организации, разложение которой дало начало новой иерархической структуре, состоящей из социальных групп с различным статусом.

Таким образом, проблема формирования сословий связана с вопросом о судьбах родов и родовых институтов в современной общине горных народов Северо-Восточной Индии [см. 2, 27—38]. У всех этих народов уже к середине прошлого века господство родовых отношений ушло в прошлое (во всяком случае, в области общинного производства) и ведущими стали отношения соседскообщинные. Роды, которые и сейчас упоминаются исследователями при описании общественной структуры многих ассамских народов, не являются первобытными родами доклассового общества. Род у ассамских малых народов — это род поздний, рассредоточенный, хотя иногда части рода в пределах деревни еще сохраняют территориальное единство и даже тотемистический характер, как, например, многие роды у различных племен нага [17, 390—397]. В советской литературе наряду с термином «род» иногда в аналогичном смысле употребляют термин «родовая группа», или «вторичный род»⁵. Возможно, в основе современных родов лежат разрозненные большие семьи, однако никаких фактов, свидетельствующих об общем хозяйстве, мы привести не можем, если не считать общих прав на землю, сохраняющихся в отдельных случаях, и обычая взаимопомощи (наряду с взаимопомощью общинной и узкососедской). Вероятно, уточнение экономических взаимоотношений внутри отдельных родов позволит отнести их к социальным категориям типа патро- или матронимии, но это отдельная проблема, требующая специального исследования.

Положение рода в общине горных народов можно охарактеризовать по-разному. Род сросся с общиной, и даже при утрате общиной в целом ее родового характера дух этого рода продолжает существовать, окрашивая многие социальные функции общинных органов. Нормы родового права и поныне продолжают давать себя знать во многом: например, при избрании или передаче по наследству должностей главы общины и членов деревенского совета, при решении тяжб, при заключении браков и наследовании семейного имущества. Вместе с тем род — категория отживающая, которая с каждым годом утрачивает свои позиции, передавая постепенно свои функции соседской общине и малой семье. Но община под влиянием разлагающегося действия товарно-денежного производства не всегда сама в состоянии сохранить эти функции надолго, так что нередко распаду рода сопутствует и распад соседскообщинных форм. Это характерно для современных условий, когда форсируются различные социальные процессы. Раньше всего род уходит из сферы экономической деятельности общины, затем он теряет свои позиции в социальной сфере. Дольше всего он сохраняется как экзогамная единица, но и здесь границы экзогамной группы все более суживаются. Один из путей исчезновения рода как кровнородственной категории — трансформация его в сословную группу.

⁵ См., например, выступление А. Д. Давыдова в дискуссии об азиатском способе производства [7, 160—165].

Возникновение сословий на базе родов у отдельных племен Ассамы тесно связано с интересной проблемой «старшей» и «младшей» ветвей рода и их роли в историческом развитии родового коллектива. Изучение этой проблемы показывает, что по мере превращения первобытного общества в раннеклассовое деление на старшую и младшую ветви, имевшее вначале сравнительно небольшое значение, становится подчас основой для возникновения социального неравенства внутри общины. Если у народов, не достигших стадии сложения сословий, принадлежность к старшей или младшей ветви сказывалась лишь на традиции выбора вождя из числа представителей старшей ветви старейшего (по времени проживания на данной территории) рода [9, 8], то у народов, у которых социальное расслоение началось уже несколько столетий тому назад, это разделение на ветви становится иногда базой для возвышения группы родов [17, 385]. Дальнейшее развитие этой тенденции — выделение «благородных» родов и возникновение иерархии родов (например, у качари). Однако у ряда современных народов, у которых в условиях многовековой изоляции это развитие происходило хотя и медленнее, но не нарушалось внешними вторжениями, мы видим как бы следующие стадии тех процессов, которые были оборваны у бодо. Следующим шагом является узурпация общинных земель выделившейся верхушкой, что свидетельствует о начале превращения сословного дробления в классовое.

Как уже отмечалось, формирование сословий имеет свою специфику у каждого народа. Характерный пример общества сословного типа представляют *лакхеры* — одна из народностей группы чин. У лакхеров зафиксировано несколько десятков родов, которые располагаются на различных социальных уровнях и каждый из них как бы соответствует определенному сословию. Высшую ступень занимают 6 так называемых царских родов — абей, ниже располагаются 17 аристократических родов — пхансанг, наконец, еще ниже — множество непривилегированных родов — мацхи [18, 229]. Видимо, первые две категории отражают первоначальное выделение «благородных» родов, среди которых произошла дальнейшая дифференциация. К настоящему времени это первоначальное расслоение внутри родовой общины углубилось настолько, что общество лакхеров превратилось в развитое сословное, хотя родовая природа сословных группировок еще чувствуется. На вершине этого сословного общества стоит вождь, вокруг него группируется ближайшая родня («царские» роды), а все общество подразделяется на два сословия — привилегированное (аристократические роды) и простой народ. Но основной социально-экономической ячейкой остается община: в каждой имеется своя иерархическая лестница во главе с вождем, и отношения сословного подчинения проявляются в ее рамках [18, 245].

Такова структура общества лакхеров, описанная в начале 30-х годов нашего века. Это общество, сословное по своему существу, находится на пути превращения в классовое. Сословное членение уже не ограничивается чисто социальными привилегиями, а подкрепляется экономическими правами, связанными главным образом с землей. Продолжается дальнейшее расслоение сословных групп. В сословии пхансанг выделился слой высшей аристократии — куэй, к которой относятся потомки лиц, освобожденных в свое время от обязательных налогов за оказанную по тому или иному случаю помощь вождю. В 20-х годах нашего века у лакхеров выделилась группа крупных землевладельцев [18, 250—251], владения которых располагались на землях вождя, за что владелец уплачивал вождю определенную долю земельного дохо-

да. Но такой землевладелец мог рассчитывать на независимое положение лишь при слабом вожде. Между вождем и землевладельцами существовали постоянные трения, и сильный вождь нередко захватывал их владения. В 1924 г. приказом английской администрации эти владения были уничтожены, так как английские власти были против дробления земель и выступали на стороне вождя.

Общинное землевладение у лакхеров фактически исчезает, и вождь теперь выступает в качестве землевладельца, которому принадлежат все деревенские земли. Сильный вождь-землевладелец, обладающий вполне реальной властью, группирующаяся вокруг него аристократия, сословное членение общины — все это говорит о тенденции складывания общества феодального типа; в то же время эта тенденция еще не вылилась в законченные формы, о чем говорят такие факты, как отсутствие вассальных отношений (есть лишь отношения непосредственных производителей и землевладельца), сохранение земледельцами значительной личной свободы, их незакрепленность, сохранение многих общинных традиций, неформальность земельной ренты. Все эти обстоятельства позволяют определить общество лакхеров как дофеодальное, как общество переходного типа, в отношении которого можно говорить лишь о тенденциях развития, а не о законченных общественных формах [6, 75, 87].

Вождь остается членом общины, и в отношениях между ним и рядовыми общинниками сохраняется значительный элемент патриархальности, что препятствует окончательному закреплению земледельцев. Но под формой традиционной общинной взаимопомощи отчетливо выступают отношения феодальной эксплуатации. Главным свидетельством этого является то, что земельные права вождя из чисто формальных, бывших лишь показателем его общественного престижа⁶, стали вполне реальным средством дальнейшего возвышения вождя и его окружения, способствуя превращению их в эксплуататорский класс.

О том, что общество лакхеров так и не сложилось окончательно как феодальное, о переходном его характере говорят налоги и повинности, которые несут рядовые общинники. Можно выделить две основные категории обязательств: по отношению к вождю и по отношению к общине. Вождю принято выплачивать налоги сабай и рапау (рисом); к 30-м годам право на эти налоги получили еще два должностных лица в общине — писец и кузнец. Сабай платят «в знак признания прав вождя», рапау — за право расчистки под пашню лесного участка, владельцем которого считается вождь. По существу, этот последний налог представляет собой одну из первоначальных форм земельной ренты — ренту продуктами или земельный оброк [8, 72]. Вождю также полагается сахау — доля мяса с каждого дикого животного, убитого членом общины. Что касается обязательных отработок на вождя — непременной черты феодального общества, то у лакхеров они еще в зачаточном состоянии: их вожди, как правило, сами работают на земле и не прибегают к безвозмездной помощи своих односельчан. Исключение составляет одна деревня — Чхапи, где каждый член общины обязан один день в году работать на земле вождя. В остальных же общи-

⁶ На примере общин отдельных горных народов Северо-Восточной Индии можно проследить последовательные этапы развития прав вождя на общинные земли: общинный глава у гаро приобретает «права на землю» исключительно из соображений престижа, ибо у гаро сохраняется общинное землевладение при семейном землепользовании. У сема нага наследственный вождь выступает в качестве владельца земли, фактически же он оставляет себе лишь тот участок, который может обработать силами своей семьи. Наконец, у лакхеров держатели наделов — общинники — оказываются в реальной экономической зависимости от вождя.

нах отдельные услуги вождю не являются обязательными, но исполняются по традиции как дань уважения защитнику и покровителю [18, 252].

Обязательства по отношению к общине очень многочисленны, в них дает себя знать сохранившаяся сила общинных связей: обязательное участие в расчистке дорог, в организации снабжения общины водой, поочередная поставка свиней для традиционных общинных пиров, обязательные взносы в коллективный рисовый фонд общины и ряд других [18, 257—259]. Насколько можно судить по данным Пэрри, вождь, хотя и остается членом общины, в этих ее повинностях участия не принимает и выступает лишь в качестве организатора и руководителя общинных работ и повинностей.

В сословном обществе лакхеров, как уже отмечалось, рядовые общинники — мацчхи в социальном отношении представляют собой единое целое. Их социальное положение определяется, с одной стороны, остатками демократических общинных традиций, с другой — их местом на более низкой по сравнению с привилегированными группами ступени иерархической лестницы. В последние годы в их среде идет процесс имущественного расслоения, которое с развитием товарного хозяйства стало обычным почти для всех народов рассматриваемого района. Таким образом, если в прошлом у лакхеров при разложении первобытно-общинного строя происходило социальное (в смысле сословное) расслоение, а вождь и его сородичи выделялись прежде всего как сословная группировка и имущественные привилегии были ими присвоены позднее, то теперь, напротив, с проникновением товарно-денежных отношений в общине тех же лакхеров среди простых общинников идет прежде всего имущественное расслоение. Подобный процесс характерен и для других горных народов с ранее сложившимся сословным обществом.

Низшую ступень на иерархической лестнице лакхеров занимают долговые рабы и различные категории зависимых. К числу последних, например, относится несколько групп лично зависимых от вождя. Это нарушители обычного права, люди обездоленные или запятнавшие себя неблаговидным с точки зрения местных традиций поступком и т. п. [18, 223]. Широко распространено долговое рабство: задолжав вождю в голодное время, земледелец должен потом отработывать свой долг на протяжении едва ли не всей жизни, а иногда и передавать свой долг потомкам [18, 272, 286]. Сейчас долговое рабство в горах Ассама смыкается с ростовщической кабалой — порождением современной эпохи (для этого района). Рабовладение у лакхеров, как и у большинства горных народов Ассама, существовало как уклад до сравнительно недавнего времени [18, 223]. Ряды рабов пополнялись в основном за счет военнопленных, и окончание межплеменных войн способствовало исчезновению института рабства. Рабство, безусловно, было одним из факторов, который позволил укрепиться аристократическим сословиям; основными владельцами рабов были вождь и представители аристократии. Но рабство всегда оставалось патриархальным, рабы через два-три поколения вливались в общину и образовывали вместе с рядовыми общинниками тот слой, который в конце концов по мере расслоения общины, стал основным объектом эксплуатации со стороны выделившейся ранее знати во главе с вождем. При этом время от времени отдельные общинники, обогатившиеся в связи с развитием торговли или благодаря присвоению лишних наделов, выбивались наверх, и разрыв между двумя прослойками уже среди мацчхи становится все более ощутимым,

Такова картина одного из обществ, где сословное членение началось сравнительно давно и усилилось в современных условиях новыми факторами. В настоящее время общество лакхеров можно охарактеризовать как складывающееся классовое, поскольку основные средства производства фактически присвоены господствующей верхушкой. Становление общества феодального типа, которое намечалось у них, прекратилось под влиянием капиталистического окружения. В результате складывается общее для всех народов в современных условиях положение, когда сталкиваются различные влияния и два отдаленных по уровню развития процесса сближены во времени, что создает сложное переплетение отношений и явлений, принадлежащих к разным этапам развития.

Другим примером сословного общества в горах Северо-Восточной Индии являются *лушеи* (*мизо*) из той же группы куки-чин, что и лакхеры. Своеобразие их общества заключается в том, что господствующее положение привилегированного сословия у них занял один род — род Сайло [21, 43—46]. История знает немало подобных примеров, когда «благородный» род, члены которого не понуждаются к совместному существованию требованиями производства, по мере своего роста мог распространиться на значительные территории, сохраняя в то же время прочные связи между членами [см.: 7, 67]. Мы застаем лушеев уже в то время, когда род Сайло, поставляющий вождей во все общины, был признанным главой племени. Это не значит, что у лушеев существовало политическое объединение, выходящее за рамки отдельных общин. Нет, и здесь каждая община представляла собой и в значительной мере представляет поныне самодовлеющее целое. Но вожди всех общин связаны между собой родственными узами. Эта солидарность вождей помогает общими усилиями укреплять монопольное положение рода, давно уже превратившегося в привилегированное сословие, особенно могущественное благодаря единородству его членов.

В общинах лушеев демократические традиции еще живы. Так, большую роль играет общественное мнение, с которым вождь должен считаться, рискуя в ином случае лишиться своих подданных, которые всегда могут перейти под покровительство другого вождя [21, 43—46]. Вместе с тем экономическая зависимость общинников от вождя очень сильна. За два-три последних десятилетия окончательно утвердилось земельная монополия Сайло; вожди этого рода присвоили себе общинные земли, которые еще недавно были в полном распоряжении общинников [см. 23, 9; 18, 249]. Превращение вождей Сайло в феодальных собственников земли зашло, по-видимому, дальше, чем у лакхеров: вожди Сайло перестали сами работать на земле [18, 252], а поддержка родственных вождей позволяет им шире использовать безвозмездный труд своих подданных. Начиная с 50-х годов нашего века газеты Индийской республики неоднократно публиковали сообщения о борьбе обезземеленных крестьян с землевладельцами из рода Сайло [13; 19]. Так, бывший род из экзогамной группы кровных родственников в результате длительной эволюции превратился в корпорацию крупных землевладельцев феодального типа. Новые веяния последних лет не прошли бесследно и для лушеев. Теперь могущественные вожди Сайло часто совмещают в своем лице землевладельца с ростовщиком и торговцем, что дает им лишние возможности для укрепления своего имущественного положения. Это затрудняет обогащение рядовых общинников, ибо все торговые и прочие операции, которые могли бы этому способствовать, фактически сосредоточены в руках вождей Сайло.

Категории зависимых лиц у лушеев очень напоминают аналогич-

ные категорий у лакхеров. Таковы бои (или бави), личные зависимые вождя, которые по разным причинам (должники, преступники, сироты, перебежчики и пр.) оказались в его полном распоряжении, не имеют собственного хозяйства и работают исключительно на своего господина [21, 46, 216]. Не следует смешивать положение этих людей с долговым рабством, которое тоже распространено у лусеев, но среди крестьян, обладающих личным наделом, полученным ими от вождя. Налоги и повинности лусеев схожи с описанными у лакхеров. В целом общество лусеев может быть охарактеризовано, как и у лакхеров, как период становления классового строя на базе сословной организации, с той разницей, что у лусеев в силу особенностей эволюции их родов становление класса феодалов зашло несколько дальше, чем у лакхеров.

Особые формы сословное расслоение приняло у *коньяк нага*. Это — самая восточная группа нага, расселенная в наиболее удаленных местах труднодоступных гор Нагаленда. Влияние внешнего мира там еще незначительно, и развитие их социальной организации самостоятельно в большей степени, чем у других горных народов Восточной Индии. Материалы о коньяках значительно уступают по полноте сведениям о других нага, тем не менее у нас есть возможность проследить особенности развития их родовой организации [14; 15]. По происхождению родовая организация коньяков, по-видимому, существенно не отличается от соответствующих институтов других нага (типичная дуальная система — два первоначальных рода с последующим дроблением). Однако с течением времени у коньяков происходит процесс, напоминающий тот, который шел у лусеев, а именно: преимущественное выделение одного рода, рода вождей. У большинства народностей нага вожди были лишены реальной, а нередко и номинальной власти, авторитет их признавался преимущественно во время войн. Наследственные вожди, пользовавшиеся уважением в общине, имелись у сема нага, однако они не представляли один род и их социальное превосходство обычно не поддерживалось реальными имущественными факторами, ибо у них не было земельной монополии. Экономическое положение вождей у коньяков известно нам, к сожалению, недостаточно, но непрекращаемость их авторитета очевидна.

У коньяков, видимо, еще при распаде родовой организации произошло обычное дробление господствующего рода Анг. Из этого рода выделилась особо привилегированная часть — так называемый «род великого анга» (анг — титул вождя и название рода вождя), где должность вождя является наследственной [15, 111]. Этот подрод давно уже утратил свойства кровнородственной единицы и превратился в замкнутую эндогамную группу (с обязательным заключением браков в ее пределах). Такое постепенное сужение правящей группировки, пользующейся властью и прибавочным продуктом, который дают непосредственные производители — земледельцы, характерно для различных народов Востока, стоящих на сходном уровне общественного развития. Отражающее эту тенденцию ограничение брачных контактов выражается у коньяков в том, что они личность своего вождя считают священной и особенно заботятся о чистоте его крови.

Эта тенденция дальнейшего ограничения правящей группы у коньяков продолжает развиваться. В пределах «рода великого анга» формируется своя иерархия членов этого рода, среди которых выделяются маленькие группки равно высокопоставленных семей, могущих вступать друг с другом в брак [15, 111]. Такое постепенное обособление все более мелких замкнутых групп с четким определением их места на иерархической лестнице напоминает отдельные моменты развития ка-

стовой организации. Подобная тенденция давала себя знать и в период раннеклассовых образований бодо, что отмечалось выше. В XIX в., в ходе социальной эволюции, не нарушаемой извне, коньяк нага приблизились по уровню внутреннего развития общины к той стадии, на которой находились качари семь веков назад, и у них наблюдались сходные тенденции. Однако у качари в прошлом и у коньяков в настоящем проявляются разные стороны процесса кастообразования: у бодо на первый план выступали такие кастовые признаки, как профессиональная специализация, сочетающаяся с присущей касте замкнутостью, у коньяков же кастами становятся привилегированные группы, причем особое внимание уделяется эндогамности обособляющихся групп, ограждению их от примеси чужеродной крови.

В числе народов, у которых расслоение общины происходило до нарушения изоляции горных районов Северо-Восточной Индии, следует упомянуть *кхаси*, живущих в горах Кхаси и Джайнтъя. У них еще в доколониальный период существовало княжество раннефеодального типа во главе с раджой. Это редкий случай для ассамских меньшинств, у которых, как правило, отсутствует элемент политической организации, стоящей над общинами. В период английской колонизации княжество кхаси распалось на множество мелких владений, каждое во главе со своим раджой (по сути — вождем, объединившим под своей властью несколько общин). Такое положение свидетельствует о происходившем уже в ранний (доколониальный) период расчленении общества, приведшем к возвышению феодальной привилегированной верхушки. До недавнего времени, т. е. до образования Индийской республики, у кхаси существовали специальные «земли сиема» [23, табл.] (наряду с основным фондом общинных земель), сохранялись определенные повинности в отношении сиема — раджи кхаси. Однако, судя по имеющимся материалам, социальное расслоение не коснулось общины кхаси. Этнографические описания показывают нам (в начале XX в.) развитую общинную (соседскообщинную) организацию с сохранившейся в ее пределах структурой материнского рода. В этой демократической организации нет места неравноправным сословиям. Таким образом, у кхаси в их княжестве верхушка выделилась из общины, а сама община сохранила свои обычаи, свой уклад, свое социальное единство. Кхаси имеют выборных глав общин, ведущую роль в деревенских делах сохраняют представители матрилинейных подразделений [11, 28]. Эти процессы очень схожи с теми, что происходили в раннем государстве качари, у которых социальное расслоение также не коснулось самой общины. Видимо, это естественный путь развития для тех горных народов, у которых существовали объединения в масштабах племени, союза племен. У остальных же народов, которые не имели таких объединений, социальное расслоение ограничивалось рамками общины.

После образования независимой Республики Индии кхаси добились исключительных успехов на пути прогресса и сейчас по уровню своего развития, по уровню культуры стоят ближе к большим народам Индии с их богатыми культурными традициями, чем к своим горным соседям. В общинах еще сохраняются старые традиции, но в культуре появляются новые веяния, формируется своя интеллигенция.

До сих пор в основном речь шла о становлении сословий в результате внутреннего развития социальной структуры народов. Проникновение товарно-денежных отношений на территорию горных районов Ассама вызвало новые формы классового расслоения. Поскольку воздействие этих новых отношений не миновало почти ни одного народа

рассматриваемого района, мы говорим о его последствиях для всего горного северо-востока Индии. При этом в одних случаях это новое направление развития сталкивалось с уже проходившими у того или иного народа процессами социальной дифференциации, в других же расслоение было обусловлено именно этими новыми течениями.

Как уже отмечалось, в современных условиях под непосредственным воздействием более развитых народов происходит в первую очередь уже не социальное, а имущественное расслоение общины. Это означает, что в доселе едином социальном коллективе (а таким единым целым являлась как община в целом у народов, не знавших сословных делений, так и коллектив рядовых общинников у народов с сословным строем) развиваются новые отношения имущественного неравенства, приводящие в конечном счете к выделению не социальных сословий, а классов, свойственных уже не феодальному строю, а деревне капиталистического типа (пока, разумеется, можно говорить лишь о перспективе подобного развития).

Так как основным средством производства в общине горных народов является земля, то имущественное расслоение общины связано с изменившимся отношением к земле, со становлением частного землевладения. Причем эти процессы в конечном счете тоже являются результатом развития общины, но это развитие направляется по единому пути и ускоряется благодаря проникновению новых экономических отношений, свойственных товарному хозяйству. Применительно к земле это выглядит как постепенная смена общинного землевладения индивидуальным с тенденцией к установлению частного владения (а потом и собственности) на землю. Но если раньше (у лакхеров, лушеев) вожди захватывали общинные земли, опираясь на свое социальное превосходство, то теперь земля переходит в индивидуальное владение уже по экономическим причинам. Это значит, что земельные богатства могут сосредоточиться в руках человека, не принадлежащего к привилегированному сословию, но разбогатевшего в результате удачной экономической деятельности.

Социально-экономическое развитие народа в ряде случаев достигает такого уровня, что отдельная малая семья, раньше неспособная существовать вне общинного коллектива, производит избыточный продукт, достаточный для того, чтобы вести самостоятельное хозяйство. Новые тенденции проявляются и в том, что раньше избыточный продукт, если он оказывался в руках семьи, тратился на пиры, угощения, праздники для общинников, т. е. перераспределялся среди всей общины; теперь же он идет на укрепление и расширение личного хозяйства. Отсюда постепенный переход пахотных земель из общинного фонда (в котором они числятся лишь формально) в полное распоряжение малой семьи. Учащаются случаи отчуждения земли пришельцам — факт, еще недавно совершенно недопустимый.

Новый толчок развитию частного землевладения дает владение орошаемым полем, которое не подотчетно общине и целиком принадлежит расчистившему или приобретшему его общиннику. Владение подобным полем дает его владельцу чувство свободы по отношению к общине и позволяет пользоваться лишним прибавочным продуктом с дополнительного поля, что, в свою очередь, дает ему возможность применять на своей земле труд своих однообщинников, которые, в силу ли увеличения семьи при стабильности земельного надела (количество свободных земель отстает от растущего населения) или по каким-либо иным причинам, нуждаются в дополнительном приработке. Людей, еще недавно равных перед лицом общины, разделяет теперь барьер в виде

лишнего куска земли, который, увеличиваясь в площади, становится орудием эксплуатации менее имущих соседей.

Другим средством имущественного возвышения отдельных семей могут служить удачные торговые операции и ростовщичество, которое в свою очередь способствует дальнейшему развитию товарного производства у горных народов. В результате в общинах формируются новые социальные группы — ростовщиков (ростовщичество обычно еще не отделено от земледелия), а также зажиточных крестьян. Выделение зажиточного слоя среди крестьян-земледельцев говорит уже о буржуазных тенденциях развития деревни.

Вместе с тем в общине продолжают действовать законы, свойственные первобытнообщинному строю, который еще не миновали рассматриваемые народы. Общинные связи так сильны, что разбогатевший общинник должен подтвердить свое имущественное возвышение социальными привилегиями. Ворвавшиеся в общину товарно-денежные отношения наталкиваются на крепкие еще общинные и даже родовые традиции, с которыми приходится считаться: они требуют традиционного утверждения претендента на более высокое положение в общине. Сам по себе разбогатевший общинник ничем не отличается от рядового земледельца: он несет те же обязательства, имеет те же права, что и остальные. Социальное равенство еще продолжает сохраняться. Если же подобный «нувориш» хочет занять достойное своего богатства положение в общине, на которое он не имеет традиционных прав, он должен пройти через определенную социальную церемонию⁷, т. е. предложить перед лицом общины необходимые для этого заслуги. Человек начинает уважать не за то, что у него есть лишний участок земли, а за то, что он устроил для общинников угощение и увековечил свою память достойным с точки зрения общины деянием, например установил на окраине деревни каменный столб, который почитается священным у многих ассамских народов [10].

Такого рода имущественное расслоение соседской общины у разных народов идет с разной интенсивностью. Так, у *гаро* традиции общественного равенства еще настолько сильны, что для общинника более заманчивыми представляются чисто социальные привилегии и престиж, чем реальный имущественный достаток. Показателем престижа главы общины *гаро* — *нокмы* (а часто и основным критерием, согласно которому его выбирают) является наличие «прав на землю». Эти «права на землю» *нокма* и зажиточные общинники покупают у соседней общины или у какого-либо рода, прежнего владельца *акинга*⁸ [10а, 225—226]. Однако это «право на землю» чисто формальное: на этой земле работают и владеют ею традиционные владельцы, и *нокма*-«владелец» ничего не может сделать с землей без их согласия. Весь доход с земли получают те, кто ее обрабатывает. Таким образом, *нокма* тратит средства не на увеличение своего богатства, а на утверждение социального престижа. Факт наличия «прав на землю» придает человеку общественный вес, и именно такого «владельца» скорее всего изберут *нокмой* (конечно, если он принадлежит при этом к старейшему роду — это обязательное условие).

В то же время у *гаро*, а также у *нага* и других народов экономическое положение все в большей степени начинает определять расстановку сил внутри общины. Здесь опять сказываются особенности переход-

⁷ Имеются в виду церемонии типа *потлача*, которые зафиксированы у многих народов в горах Северо-Восточной Индии.

⁸ *Акинг* — крупный участок пахотной земли, включающий несколько наделов.

ного времени: старые социальные нормы еще действуют, но тенденции развития свидетельствуют о неуклонном имущественном расслоении общества. Форсированное развитие под влиянием внешних факторов заставило горные народы Северо-Восточной Индии как бы перешагнуть через ступень в своем социально-экономическом прогрессе.

* * *

Итак, в настоящее время сословное и классовое расслоение с большей или меньшей интенсивностью проходит у всех горных народов северо-востока Индии. Так как становление классового общества у них проходит внутри общины, то уровень развития общинной организации накладывает свой отпечаток на этот процесс. Хотя все эти народы находятся на стадии соседской общины, однако в пределах этой стадии они стоят на различных ступенях развития. Одни народы уже столетия назад вступили на путь расслоения общины, причем это происходило у них параллельно с распадом родовой структуры. Другие к моменту установления контактов с внешним миром имели развитую общинную организацию с остатками родовой структуры. Для этих народов в силу развития товарно-денежных отношений в период складывания у них классового общества ведущим в этом процессе оказался имущественный фактор. Первоначальное сословное расслоение у отмеченных ранее народов также подвергалось воздействию внешних влияний, в результате чего традиционные процессы были либо оборваны, либо направлены в новое русло.

В результате столкновения разнородных тенденций и влияний отчетливо выступает неравномерность развития. Многие народы, которые с точки зрения исторического развития стояли ниже других, в новых условиях стали двигаться вперед более быстрыми темпами и в экономическом и культурном отношении оказались впереди (примеры: ангами нага, среди которых появляются уже представители собственной интеллигенции, и коньяк нага, которые, несмотря на давнее сословное расслоение, оказались позади ангами).

Одним из новых процессов, который пока существует лишь как тенденция, является постепенная унификация социальных институтов различных народов под влиянием новых экономических факторов, единых для всех. Под этим влиянием специфика социального расслоения у отдельных народов отступает, давая дорогу общим процессам имущественного расслоения общины. Дальнейший путь развития классового общества у горных народов, вероятно, будет связан с усилением имущественного неравенства среди земледельцев-производителей, с накоплением земельных богатств у части семей и обезземелением большинства.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Маретина С. А., Малые народы Ассама (этнический состав), — «Страны и народы Востока», вып. V. Индия — страна и народ, М., 1967.
2. Маретина С. А., Община и вопросы землевладения у народов Ассамских гор, — «Народы Азии и Африки», 1966, № 3.
3. Маретина С. А., Община у горных народов Ассама, — «Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии», М., 1967.
4. Народы Южной Азии, М., 1963.
5. Неру Дж., Открытие Индии, М., 1955.

6. Неусыхин А. И., Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному,— «Вопросы истории», 1967, № 1.
7. Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке, М., 1966.
8. Поршнев Б. Ф., Феодализм и народные массы, М., 1964.
9. Bose J. K., Dual Organisation in Assam,— «Journal of the Department Letters», Calcutta, 1934, vol. XXV.
10. Bose J. K., The Gana — Nokma Ceremony of the Garos of Assam,— «Man in India», Ranchi, 1935, vol. XV, № 4.
- 10a. Burling R., Rengsangri. Family and Kinship in a Garo Village, London, 1963.
11. Chattopadhyay K. P., Khasi Kinship and Social Organisation,— «Anthropological Papers», Calcutta, 1941, № 6.
12. Grace J. H., The Hill Cacharis,— «Census of India», 1930, vol. I, pt 8.
13. «Cross-Roads», Delhi.
14. F ü r e r-H a i m e n d o r f Ch. von, Staat und Gesellschaft bei den Naga,— «Zeitschrift für Ethnologie», Berlin, 1932, H. 1—3.
15. F ü r e r-H a i m e n d o r f Ch. von, The Naked Nagas, London, 1939.
16. Gait E., A History of Assam, Calcutta, 1926.
17. Hutton J., The Angami Nagas, London, 1921.
18. Parry N. E., The Lakhers, London, 1932.
19. «Peoples' Age», Delhi.
20. Shakespear L., History of Upper Assam, Upper Burmah and N.-E. Frontier, London, 1914.
21. Shakespear L., The Lushai-Kuki Clans, London, 1912.
22. Soppitt C. A., An Historical and Descriptive Account of the Kachari Tribe, Shillong, 1885.
23. Verma B., Agriculture and Land Ownership System among the Primitive People of Assam, Delhi, 1956.